

УДК 553.981(571.1)

№ 4(12) ♦ 2012

ТАЗОВСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ – НАЧАЛО ОТКРЫТИЯ ГИГАНТСКОЙ УРЕНГОЙСКО-ЯМБУРГСКОЙ ГАЗОНОСНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (50 ЛЕТ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ)

Ю. Н. Карогодин

Открытие 50 лет назад Тазовского месторождения газа, первого в Заполярье Западной Сибири, стало эпохальным событием. Данным месторождением в полный голос заявила о себе уникальная нефтегазоносная провинция с гигантскими запасами и супергигантскими, крупнейшими в мире месторождениями. Изложена история открытия Тазовского газового месторождения, в котором автор принимал непосредственное участие как куратор в выборе объекта испытания скважины, в результате чего был получен управляемый фонтан газа. Это произошло после двух аварий в процессе бурения и безрезультатных испытаний нескольких объектов в третьем стволе. Так было выявлено первое месторождение в тюменском Заполярье, ставшее «прелюдией» открытия «занавеса» уникального «представления» – Уренгойско-Ямбургской газоносной зоны с гигантскими месторождениями. Сейчас благодаря этому наша страна лидирует в мире по запасам и добыче газа.

Ключевые слова: Уренгойско-Ямбургская газоносная зона, Тазовское месторождение, сеноманская залежь, усть-тазовская серия.

TAZOVSKOYE FIELD – THE OUTSET OF DISCOVERY OF THE GIANT URENGOI-YAMBURG GAS-BEARING ZONE IN WESTERN SIBERIA (50 YEARS SINCE THE DISCOVERY)

Yu. N. Karogodin

The discovery of the Tazovskoye gas field, the first one in the sub-arctic region of Western Siberia, took place 50 years ago and was an epoch-making event, which revealed the unique petroleum province with its great resources and supergiant, world-largest deposits. The paper presents the history of the Tazovskoye gas field discovery, in which the author took part directly as supervisor in choosing the well testing targets resulted in gaining the controlled gas gusher after two accidents during the drilling and unsuccessful tests in the third wellbore. So, the first field in the Tyumen sub-arctic region was discovered, being prelude to finding the Urengoi-Yamburg gas-bearing zone with its giant fields. Due to that fact Russia is now a worldwide leader in gas reserves and production.

Keywords: Urengoi-Yamburg gas-bearing zone, Tazovskoye field, Cenomanian deposit, Ust-Taz series.

Может быть, именно ради этих святых минут и выбирает себе человек на всю жизнь трудную профессию открывателя...

Е. Ананьев

Поздравляю коллектив с открытием большого месторождения.

Радиограмма Ю. Г. Эрве

«Время подарило нам удивительный миг счастья: мы стали не только свидетелями, но и участниками грандиозных событий, которые коренным образом изменили многие научные теории, а также представления о возможностях человека и общества. Мы стали участниками событий, которые приумножили экономическую мощь государства, предопределили достойную его будущность (рис. 1).

В сентябре 1953 года старинное сибирское село Березово, известное ранее как место ссылки сподвижника Петра I князя Александра Меншикова, навсегда вошло в мировую историю открытием здесь первого в Сибири газового месторождения. Это открытие было как сигнальная ракета, увлекающая в атаку. Спустя

годы можно смело сказать, что здесь была создана лучшая в мире научная и производственная база геологии.

На Тюменском Севере создавалась и уникальная школа кадров. В науку, в производство приходила молодежь. Одержимая, устремленная, делающая головокругительную карьеру не в теплых кабинетах, а в промерзшей тундре, на буровых. И в свои двадцать восемь вчерашние студенты становились начальниками экспедиций, руководителями геологических служб...» [3, с. 586].

Ровно 50 лет назад, в 1962 г., открыто Тазовское месторождение газа – первое в Заполярье Западной Сибири. Это стало началом открытия уникальной газоносной зоны с крупнейшими и супергигантскими месторождениями.

ИНГГ СО РАН (Новосибирск)

● Один день из жизни Тазовской экспедиции

ВОТ И ЕЩЕ ОДИН год пролетел. Не прошел, а именно пролетел. Незаметно. Коротким показался он для них, геологов-буровиков, для бурьщиков. Но время шло не размерено. Особенно к концу. В поябре, например, на буровой № 2.

Как тянулись бесполезные часы, когда на отметке 2400 метров произошла авария! И как потом проскальзывали мимо штурмовые дни и недели!

Верхового Николая Адериху ждала самая трудная вахта. Помощник бурьщика Николай Батуев еще не знал, что в одну из ночей ему придется наступить на горло собственному страху. Юрий Карогодин, молодой ученый-геолог, не думал, что так скоро и просто его спорная гипотеза станет бесспорной истиной.

Между тем, вряд ли кто после аварии ждал, что вторая скважина даст газ. Его ждали на глубине 2700 метров. И только Юрий Карогодин упорствовал:

— Верхние горизонты газоносны! Его вежливо выслушивали. И только, в это время из Тюмени прилетел главный геолог управления Ровнин. Вместе с ним был и Юрий.

На буровой несвело шутливи:

— Начальство из пустой скважины газ выжимать прикажало.

Решено испытать скважину. Но не было твердой уверенности в успехе. Просто брезжила слабая надежда. Да еще желание чуда: эх, вдруг бы!

Юрий был убежден: газ будет! Нельзя сказать, что он не волновался. В сердце изредка постукивало другое «здруг».

Еще год назад Карогодин доказывал, что верхний горизонт Тазовской структуры — газоносный. Сторонников у него было мало. Зато противников гораздо больше. И все солидные, авторитетные. Поэтому и ставка была на нижние горизонты, и подсчеты запасов были по ним сделаны.

...В ту ночь парням, которые остались в Тазовске, не спалось. Бежали на радиостанцию, узнавали, нет ли газа. Но радия буровой молчала. И когда надежда начала гаснуть, в эфире возник взволнованный толчок.

— Дондадываю, ударил фонтан, ударил фонтан. Прием...

Это случилось в семь утра.

А что в это время было на буровой?

...Сначала ударил заряд из воды и раствора. Потом взрывел газ, и все другие звуки исчезли. Казаюсь, могучие силы земных недр изливали свой гнев на людей, потревоживших их вековую дрему.

Вахта растерялась. Верхового Адериху будто ветром сдуло с буровой — так стремительно он скакнул по палаткам на землю. Па-

Рис. 1. Вырезка из газеты «Тюменский комсомолец» от 10.01.64

Данное событие — один из важнейших результатов глубоко продуманного проекта бурения системы **опорных скважин** с целью планомерного изучения геологии всей страны. Хотя у поисковиков было естественное желание бурить их на площадях с прогнозом возможного открытия месторождений.

С одной из таких скважин, как известно, было связано эпохальное событие в 1953 г. — открытие первого в Западной Сибири Березовского месторождения газа. С этого и начались активное освоение нефтегазоносной провинции и последующая череда открытий крупных и гигантских месторождений.

Мне (с ребятами группы нефтяников четвертого курса) случайно¹ предложили принять участие в геологической съемке, и именно в Березовском районе Тюменской области. Работа была трудной, голодной и холодной (в конце сезона). Но девственная и красивая природа тайги, с ее запахами хвои и багульника не могла не покорить, а значит, и породить желание приехать сюда снова.

После окончания Саратовского университета, не без труда (у нефтяников не было направлений в Западную Сибирь) поменяв желанный многими Саратов на Сибирь, я отправился в Тюмень, а оттуда — в уже знакомое Березово. Опять геологическая съемка летом-осенью, сейсмпартия зимой и наконец-то глубокое бу-

рение. Все время работы не покидало желание учиться в аспирантуре.

Опять же случайно во время одной из поездок из Березово во вновь создаваемую Сартыньинскую экспедицию глубокого бурения, где я работал, наш катер остановился на дозаправку в поселке нефтяников Шаим на р. Северная Сосьва. Случайно рядом оказался катер ОИГИГ СО АН СССР. А на нем академик А. А. Трофимук знакомился с месторождениями Березовского района. Я удивился и обрадовался такому случаю, перейдя на этот катер. Меня стали расспрашивать о новой экспедиции, ее перспективах. А я поинтересовался насчет аспирантуры. Получил устное приглашение и адрес отдела аспирантуры института. Примерно год шла переписка. Я выслал требуемый реферат и через год осенью поступил в заочную аспирантуру к А. А. Трофимуку.

На третий год существования неплохо уже обустроившейся (практически на голом месте) Сартыньинской экспедиции стало ясно, что разбуренные более крупные, чем Березовские, поднятия, оцениваемые как весьма перспективные ловушки, оказались пустыми. Экспедиция была ликвидирована, и я получил приглашение работать в Тематической экспедиции Тюменского главка. В Тюмень я и переехал.

И снова случайно темой моей диссертации стал север Западной Сибири. Поскольку геологически знакомый Березовский район был темой главного геолога Тюменского главка Л. И. Ровнина, а Приуралье — ведущего геолога Г. П. Боярских, работавшего вместе со мной, мне предложили север. Там бурились всего три глубокие скважины: Новопортовская на западном побережье Обской губы, Танопчинская в бывшем (во время строительства железной дороги Обь — Енисей) пос. Танопча, на берегу р. Полуи (восточного притока р. Обь) и Тазовская на берегу р. Таз. Последняя планировалась первоначально в качестве опорной, но затем была переведена в разряд разведочных.

В тематической экспедиции Тюменского геологического управления мне повезло. И объект исследования, и тема диссертации совпадали полностью. В мои обязанности (и интересы) входило кураторство бурившихся скважин, в том числе Тазовской опорной. Обнаружение залежи в скважине предполагалось наиболее вероятным в низах разреза — юре или нижнем мелу. Основанием для этого был прежний опыт открытия залежей нефти и газа в юрских и нижнемеловых отложениях Березовского, Шаимского, Сургутского и Нижневартовского районов.

В процессе бурения произошло два аварийных выброса газа. Первый был 17 апреля 1962 г. Он довольно быстро «заглох» в результате обвала пород (вероятнее всего, слабо уплотненных палеогеновых глин) в стволе скважины, не нанеся

¹Случай — *Великий маг*, как я понял позже.

Рис. 2. Юрий Георгиевич Эрвье

ей особого вреда. Второй аварийный фонтан произошел 27 сентября того же года. Он был мощным и полностью уничтожил скважину. Дебит газа оценили (визуально) примерно в 1 млн м³ в сутки (или немногим меньше). Скважина активно фонтанировала газом с водой. Пожара и жертв, к счастью, не было. На аварийную скважину весьма оперативно прилетел сам управляющий Тюменским территориальным геологическим управлением Юрий Георгиевич Эрвье (рис. 2). Около месяца потребовалось, чтобы ликвидировать («задавить») фонтан. После ликвидации фонтана забурили новую (№ 2) скважину.

Летом 1963 г. я, как куратор, вылетел в Салехард, а затем на катере отправился в пос. Тазовский с большим коллективом геологов различных организаций: Тюменского геологического управления, ЗапСибНИГНИ, ВНИГРИ и др. Поскольку скважина была первой в данном районе и, как уже отмечалось, планировалась первоначально в качестве опорной, то керна было много, и это не могло не радовать геологов.

Передо мной было поставлено несколько задач: описать и изучить керн, расчленив разрез на свиты и, главное, попытаться **определить стратиграфическое положение газоносного горизонта**. Интерпретация промыслово-геофизических данных, как и в случае с Березовской скважиной, не позволила сделать убедительных заключений о стратиграфическом положении газоносного горизонта в разрезе.

Вскрытый скважиной разрез меловых отложений существенно отличался от разрезов Широкого Приобья и Приуралья (Березово, Шаим), с которыми предполагалось его сопоставить. Литологически он был более простым. От забоя скважины (2644 м) до кровли сеномана (мощность более 1400 м) разрез был представлен преимущественно песчаниками и алевролитами с прослоями углистых слюдястых глин. Во всем этом разрезе не встречено фауны, не обнаружено признаков мористости отложений, не выявлено и сколько-нибудь мощных глинистых пачек, способных удерживать залежь газа. Это была мощная толща, преимущественно коллекторов – огромный резервуар. Никакого сходства с разрезом Широкого Приобья не обнаруживалось. Хотя некоторые геологи безуспешно пытались его найти. Разрез был выделен в усть-тазовскую серию без каких-либо свит [2]. Западнее, ближе к Оби и Уралу, во вскрытом разрезе Таношчинской скважины обнаружена альбская пачка морских глин (региональный экран), но не было глин алымской свиты апта (экран такого же ранга). Тогда преимущественно песчаную толщу под альбскими глинами я выделил в новую свиту – таношчинскую [2]. Сейчас ее песчаные пласты (ТП₁–ТП₁₅) являются основными по запасам на Ямале, Гыдане и в Карском море (вероятнее всего).

Усть-тазовскую серию перекрывают несколько сотен (!) метров верхнемеловых (турон-маастрихтских) морских глин дербышинской серии. Следовательно, над мощной толщей коллекторов имеется мощный глинистый экран. Поэтому логика моих выводов в отчете по работе с керном скважины была проста: мощный выброс газа был из-под этого экрана, из **сеноманских** песчаников под ним. Не отрицалась и возможность наличия менее значительных, не способных на мощные выбросы залежей газа и внутри усть-тазовской серии под маломощными глинами. Все это писалось в моих отчетах тематической экспедиции. Уверенность в наличии сеноманской залежи подкреплялась еще некоторыми фактами.

Во время работы с керном к нам подошел бурильщик, знакомый мне по Сартыннинской экспедиции. Он бурил и эту скважину. Я спросил, как он оценивает давление фонтана газа. Он назвал цифры в 10–15 атм, не более. Это был еще один аргумент в пользу относительно небольшой глубины газоносного горизонта, т. е. в отложениях сеномана. Я спросил у него: «А был ли установлен на скважине превентор»? Он ответил, что превентор не устанавливался ни в первом, ни во втором стволе скважины. Установка оборудования – это время, а время – деньги. Залежь ожидали глубже и поэтому с установкой не спешили.

В пользу версии о сеноманской залежи был и следующий факт. На различном расстоянии от скважины находились куски явно *морских* глин, выброшенные аварийным фонтаном. Они

Рис. 3. Лев Иванович Ровнин

могли быть только из верхнемелового экрана или палеогеновых отложений. Вместе с другими образцами я привез их в Тюмень и передал в Центральную лабораторию микропалеонтологу М. И. Таначевой.¹ Она обнаружила в них верхнемеловую микрофауну. Это был аргумент в пользу моей гипотезы. Хотя и при миграции из нижних горизонтов с высоким давлением газ мог захватить куски породы верхних слоев.

В моем отчете была рекомендация при бурении следующей скважины обязательно установить превентор, провести промежуточный каротаж на глубине около 1300 м и считать главным газоносным объектом верхнюю часть сеноманских отложений. При этом не отрицалась возможность, как уже отмечалось, менее значительных, не основных залежей газа и в нижнемеловых породах.

Было ясно, что авария произошла потому, что не ожидали встретить газовую залежь в верхних (верхнемеловых) горизонтах. Поэтому на скважине не была установлена (или оказалась неисправной, по официальной версии) противовыбросовая аппаратура (превентор). Поскольку до этого за-

¹ В воспоминаниях некоторых «участников» данного события есть и явные преувеличения (если не сказать больше) собственной роли в открытии месторождения и существенные «неточности» в описании фактов. Выброшенный фонтанирующей скважиной керн никто, кроме меня, не привозил и не передавал кому-либо.

Рис. 4. Андрей Петрович Ослоповский

лежи газа и нефти (Березовский, Шаимский, Усть-Балыкский и Мегионский районы) были выявлены в нижних горизонтах осадочного чехла (юрских и нижнемеловых отложениях), то предполагалось, что и здесь продуктивны эти же (нижние) горизонты осадочного разреза, которые еще не вскрыты. Следовательно, нет и опасности выброса газа. К тому же среди геологов ходил слух, что Ю. Г. Эрвье, прибывший на аварийную скважину, видел среди выброшенных фонтаном кусков породы «шоколадные» глины, которые залегают на глубине более 2 км. Значит, газовая залежь должна находиться где-то глубоко. Выброс произошел при остановке бурения повторного ствола скважины на глубине 2200 м. А забой скважины до прихвата был 2644 м, поэтому вполне логично было предположить, что газовая залежь могла быть достаточно глубоко.

Ю. Г. Эрвье (как и Л. И. Ровнин, который вообще не был на скважине) не мог видеть образцов выброшенных пород, так как к скважине трудно было приблизиться из-за потоков замерзающей воды, образовавших «ледяной конус», и бушующего газа, как он сам пишет в своих воспоминаниях [3, с. 85]. Керн был найден и собран мной в следующем году и передан в Центральную лабораторию.

Л. И. Ровнин (рис. 3) в своих воспоминаниях [3, с. 524–525] пишет, что он тоже передавал кусок выброшенного керна своей жене – палеонтологу

Л. В. Ровниной¹, она определила туронский возраст глин.

Мои настоятельные и, вероятно, резковатые рекомендации (свойственные молодости) о необходимости обратить внимание на сеноманский горизонт раздражали опытного главного геолога треста «Ямалгеофизика» А. П. Ослоповского (рис. 4). Он даже предъявил мне лично счет за определение достаточно ценной находки аммонитов при изучении керна Таноупчинской скважины. А свита с ее названием стала вскоре знаменитой из-за запасов газа в ней. Так, вышестоящая многопластовая таноупчинская залежь (пласты группы ТП) газа Бованенковского месторождения составила более 300 м, превышая высоты основных залежей Уренгойского и Ямбургского месторождений-гигантов.

Осенью 1963 г. пробурена вторая скважина (Р-2). Начали испытывать глубокие нижнемеловые горизонты, из которых получали лишь притоки пластовой воды. Был ноябрь, кончался год, а Ю. Г. Эрвье обещал министерству геологии открытие в этом году крупного месторождения в Заполярье. Он вызвал меня, и состоялся краткий разговор.

– Ты курируешь Тазовскую скважину?

– Да.

– Почему при испытании уже нескольких горизонтов получили воду?

– Газовая залежь выше, в сеноманских отложениях. Нужно прекратить испытывать горизонты нижнемеловых отложений и прострелять верхнюю часть сеноманских.

– Вот и летите с *главным* в Тазовск и испытывайте то, что нужно.

Говоря «главный», он имел в виду главного геолога Льва Ивановича Ровнина² (будущего министра геологии РСФСР), не назвав его почему-то ни по имени-отчеству, ни по фамилии.

Командировка в Тазовск мне запомнилась по ряду причин. В самолете АН-2 («кукурузнике») в Салехард было четверо: Л. И. Ровнин, главный геофизик Л. Г. Цибулин, председатель Разведкома управления и я. Посадка в Ханты-Мансийске, видимо для дозаправки. Столица национального округа встретила нас проливным дождем. Мои *главные* чувствовали себя особенно дискомфортно в меховых костюмах и унтах. Два дня мы отсиживались в гостинице, а на третий не без труда улетели. Салехард встретил нас черной полярной ночью. Затем был перелет в Тазовск. Домики

¹ Лидия Васильевна Ровнина – крупный специалист-палинолог (споро-пыльцевик). А по споро-пыльцевым данным в принципе невозможно определить возраст с точностью до яруса. Возможно, если у нее и был образец глин, то взятый у палеонтолога М. И. Таначевой с определением (даже по микрофауне) до отдела верхнего мела.

² Насколько я знаю, это было первое его посещение скважины.

Рис. 5. Геннадий Петрович Быстров

и балки геологов по крышу занесены снегом. Встреча была безрадостной и скептической.

«Начальство прилетело газ выжимать из сухой скважины», – посмеивались некоторые.

Главный геолог партии Геннадий Быстров (рис. 5), несколько раньше меня окончивший Саратовский университет, заготовил акт на ликвидацию скважины. Были здесь и журналисты. Расспрашивали меня, брали интервью у Л. И. Ровнина. Совещание собрали по одному вопросу: «Что делать со скважиной дальше?». Ликвидировать ее, как выполнившую свое назначение или продолжать испытание? И если испытывать, то что? Я настаивал на своем прежнем предложении – «прострелять» верхнюю часть сеноманского горизонта, прекратив испытание нижнемеловых отложений. Л. И. Ровнин поддержал эту позицию и даже поспорил, как он пишет в своих воспоминаниях [3, с. 524–525], с сомневающимся известным журналистом (работавшим здесь помбуром) Евгением Ананьевым (Шерманом), на ящик коньяка, что газ будет.³

Результатов ждали недолго. По радию в пять утра сообщили, что при испытании сеноманского горизонта (глубина 1128 м) получен фонтан газа. Все были возбуждены и обрадованы. Быстро сели на вездеход (ГАЗ-47) и приехали (не без труда из-за большого снега) на буровую. Зрелище огромного факела, с гулом вырывавшегося из отвода (специальной трубы, отведенной в сторону от скважины) в темной полярной ночи, навсегда врезалось

³ В его воспоминаниях этого нет.

в память. Я сделал снимок Л. И. Ровнина на фоне факела. После нашего возвращения в Тюмень этот снимок был опубликован в его статье.¹ Дебит газа, как и по аварийному фонтану, определили как значительный – не менее 1 млн м³/сут.

В начале 1964 г. в газете «Тюменский комсомолец» появилась статья присутствовавших при открытии месторождения журналистов: «Гипотеза зажигает факел».

С Тазовского месторождения началось открытие супергигантов Уренгойского, Ямбургского, других крупных и крупнейших месторождений северных и арктических областей Западной Сибири. Знали ли, что газ будет в сеномане? Ю. Г. Эрвье в упоминавшихся воспоминаниях пишет, что, когда он прилетел на аварийную скважину, то встретивший его главный инженер Рябиков и мастер Рындин сказали, что «...фонтан является следствием сверхнормального давления в газовом пласте» [3, с. 84]. И далее: «...Осталось неясным, откуда шел газ, какая мощность пласта, какое истинное давление. Неясными были и другие данные, нужные для подлинной оценки открытия. Аварийный фонтан этот, к сожалению, был не последний...» [3, с. 85]. Не знал Ю. Г. Эрвье, откуда газ. Главные специалисты, встретившие его в Тазовске, считали, что причина в аномальном давлении газа в залежи. Последнее казалось вполне логичным, так как залежь предполагалась достаточно глубоко, а значит, и давление могло быть аномально высоким. Хотя это не совсем вязалось с неоднократно наблюдавшимися поглощениями раствора во время бурения скважины.

Главный геолог Л. И. Ровнин также признавал: «Когда из первой аварийной скважины все выбросило, мы не знали с какого горизонта идет газ» [3, с. 524]. Журналист Евгений Ананьев (Женя Шерман)², работавший на скважине бурильщиком, пишет, что при бурении скважины Р-2 «...едва прошли половину запланированной глубины, начал катастрофически падать удельный вес глинистого раствора. Скважина газирует. Она грозит аварией, открытым фонтаном» [2, с. 118]. И далее: «Теперь-то мы знаем, что именно в то время проходили газовый горизонт. Но тогда терялись в догадках. Геологов увела от истины предшественница, скважина № 1» [3, с. 119]. «Авария, полностью уничтожившая буровую, подстерегла ее, когда бурильная колонна ушла в глубь земли почти на 2600 м. Поэтому газовую залежь связывали именно с этой глубиной» [там же]. «Разумеется, газ ждали, ждали давно и по-разному: кто с безоговорочной верой, кто с оттенком сомнения, кто

с некоторой опаской – были для этого основания. И все-таки, как часто бывает, он заявил о себе в самый неожиданный момент» [там же].

Неожиданным он был для Е. Ананьева и многих других, но не для меня. Почему-то Евгений ничего не пишет о споре с Л. И. Ровниным, не пишет, отдал ли тот ему проспоренный ящик коньяка. Если главный геолог знал, что газ в сеномане, то почему не выполнен дважды промежуточный картаж, не остановлена и не обсажена скважина, вскрывшая продуктивный горизонт, случайно не получившая еще один фонтан и аварию. Залежь оказалась на глубине чуть больше 1100 м, а бурили глубже 2,5 км [1]. Как главный геолог и экспедиции и управления не обратил внимания на облегчение бурового раствора и его газирование на глубине скважины, наполовину меньше запланированной? Зачем было испытывать один за другим нижние, глубоко погруженные водоносные горизонты? Почему «стреляли» в незацементированный пласт в нарушение правил? Л. И. Ровнин говорит, что его пугали «начальники»: «Какое право ты имел стрелять без цемента?» [3, с. 525]. Какие начальники, если Эрвье сказал испытывать то, что нужно? И больше ничего не оставалось делать, как испытывать («стрелять») незапланированный, неподготовленный, незацементированный горизонт. Об этом при обсуждении никто не говорил. Решался вопрос – ликвидация скважины или испытание еще сеномана.

Ю. Г. Эрвье пишет: «Радость фонтана омрачалась аварией и гибелью скважины...», «...и оставалось неясным, откуда шел газ, мощность пласта...» [3, с. 85].

Известно, что немало фонтанов газа еще не означали открытия месторождения, а тем более целой зоны. Иногда даже спешили после первого фонтана (и даже не аварийного) давать будущему месторождению громкие имена (например, Ленинское в Карабахском районе на юго-западе Тюменской области), а потом выяснялось, что месторождения-то и нет.

На получении управляемого фонтана история открытия Тазовского месторождения не закончилась. В марте следующего 1964 г., когда в Заполярье появилось солнце, Ю. Г. Эрвье собрал на Тазовской буровой обширную презентацию с журналистами, телевидением и прочими важными атрибутами, соответствующими важному событию. Открыли задвижки у скважины – а **газа нет**. Неудача, обида, но такое было и с нефтяной скважиной, когда хотели удивить фонтаном, а были лишь капли из трубы (по рассказу присутствовавшего при этом А. А. Трофимука). Причину не сразу поняли, так как впервые скважина оказалась заполненной льдообразными газогидратами. Ведь в Заполярье вечная мерзлота составляет сотни метров. Так нефтяники впервые столкнулись с газогидратами, позже была открыта и их залежь в Усть-Енисейском районе.

¹ С надписью «Фото автора».

² Известный балагур, хохмач и остряк, толстяк под 1,8 м ростом, с огромной кудрявой копной черных седеющих волос на голове (всю зиму вместо шапки), густой бородой и усами.

Пользуясь случаем «золотой даты» (подобием золотой свадьбы) события, хочу сказать спасибо *Его величеству случаю*, в тандеме с **А. А. Трофимук** способствовавшему успеху моих дел, прогнозу, открытиям и начинаниям: прогноз и открытие «викуловской» нефти, гигантского Талинского месторождения нефти, клиноформной модели Приобской гигантской нефтеносной зоны, крупнейшей стратиграфической зоны карбонатно-венда Сибирской платформы, первого газоконденсатного месторождения (Самотино-Море) на Болгарском шельфе Черного моря.

И в заключение, как геолог, знавший лично большинство специалистов, работавший и/или общавшийся с ними непосредственно, считаю, что роль Ю. Г. Эрвье явно недооценена наряду с переоценкой вклада некоторых. Мне больно смотреть на его жалкий памятник перед зданием Геологического управления в Тюмени и на само здание, заполненное мелкими частными коммерческими организациями. На памятнике зачем-то Эрвье обули в длинные болотные сапоги, которые вряд ли он когда-либо надевал. Он достоин памятника из самого ценного камня, да еще с позолотой (золотой бы, да украдут). Страна-то

живет уже многие годы за счет нефти и газа, открытых им.

Определенную роль в написании данной статьи-воспоминания сыграло и то, что редколлегия книги «Энергия Ямала» – воспоминаний геологов и геофизиков об освоении Севера Западной Сибири – призывала активно участвовать с воспоминаниями, документами, письмами и фотографиями. Это и подвигло меня подготовить эту рукопись к круглой («золотой») дате события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Карогодин, Ю. Н.** Первое месторождение в Заполярье Тюменской области [Текст] / Ю. Н. Карогодин // Нефтегазовая геология и геофизика. – 1964. – № 5. – С. 3–4.
2. **Карогодин, Ю. Н.** Усть-тазовская серия [Текст] / Ю. Н. Карогодин // Решения и труды Межведомственного совещания по доработке и уточнению унифицированной стратиграфической схемы Западно-Сибирской низменности. – Тюмень, 1969.
3. **Энергия Ямала** [Текст] / Под ред. В. Н. Битюкова. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2001. – 592 с.

© Ю. Н. Карогодин, 2012

ЦЕНТР геолого-геофизических исследований

Основные направления работы

- Моделирование геологического строения залежей нефти и газа, распространения и взаимозамещения осадочных комплексов чехла и зоны контакта с породами фундамента путем выполнения палеорекострукций литофациальных, гидродинамических условий формирования резервуаров по комплексу геолого-геофизических и сейсмических данных, включающих спецобработку данных МОГТ 2D-3D и интерпретацию ГИС с применением инновационных разработок.
- Обоснование перспектив нефтегазоносности отдельных комплексов пород осадочного чехла и фундамента, прогноз и оценка ресурсов углеводородного сырья, выработка рекомендаций по проведению поисково-разведочных работ на участках нераспределенного фонда недр, а также на площадях, выведенных из бурения с отрицательными результатами.
- Разработка программ геолого-разведочных работ на лицензионных участках. Рекомендации по проведению комплекса сейсмогеологических и геолого-геофизических работ на различных стадиях проведения ГРП (от региональной до поисково-разведочной).
- Построение 3D геологических и гидродинамических моделей залежей УВ.

ТФ ГУП «СНИИГГИМС»
634021, Томск, пр. Фрунзе, 232
Тел.: (3822) 24-15-19

Руководитель центра *Галина Ивановна Тищенко*